

Ходус Елена Владимировна

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ КОД КАК ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ПЕРВЕРСИЯ В СИТУАЦИИ "БАНАЛИЗАЦИИ ЗЛА"

В статье фокус научного интереса сосредоточен на выявлении диалектической взаимосвязи между процессами "приватизации" социальной реальности как усилением значимости сферы частных ценностей и частного существования и актуализацией эмоциональных концептов, в том числе юмористического кода как обобщенного отражения действительности. В данном случае интерес вызывает не столько сама природа смеха, сколько общая направленность современной репрезентативной культуры на впечатления, развлечения, "спектализацию" как абстрактную репрезентацию социальных явлений, событий, людей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/10-1/49.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (48): в 3-х ч. Ч. I. С. 187-191. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Философия, следовательно, изначально обращена к некоторым странным событиям, которые являются неизбежной и неустранимой частью нашей жизни, но при этом никогда не могут быть однозначно истолкованы или объяснены. В каком-то смысле, философия занимается бесполезными практически поисками невозможных ответов на зачастую невыразимые вопросы.

Таким образом, в философской литературе сюжеты изначально выстраиваются совершенно на другой основе, чем в литературе научной.

В заключение следует заметить, что исследование различных традиций знания в контексте осмысления их литературной формы обладает значительной степенью актуальности в современных условиях господства письменной культуры.

Список литературы

1. Башляр Г. Грезы о воздухе. Опыт о воображении движения. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1999. 344 с.
2. Башляр Г. Земля и грезы о покое. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2001. 320 с.
3. Бибихин В. В. Язык философии. М.: Языки славянской культуры, 2002. 416 с.
4. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академия, 1995. 302 с.
5. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.
6. Деррида Ж. Эссе об имени. СПб.: Алетейя, 1998. 192 с.
7. Красноярова Н. Г. Философия и интеллектуальные метафоры Хорхе Луиса Борхеса // Гуманитарные исследования: ежегодник. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2003. Вып. 8. С. 38-46.
8. Левин Г. Д. Философские категории в современном дискурсе. М.: Логос, 2007. 224 с.
9. Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. СПб.: Наука, 2002. 319 с.
10. Шеллинг Ф. В. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Шеллинг Ф. В. Сочинения. М.: Мысль, 1989. Т. 2. С. 86-158.
11. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. СПб.: Симпозиум, 2002. 285 с.
12. Cazeaux C. Metaphor and Continental Philosophy. From Kant to Derrida. N. Y. – London: Routledge, 2007. 222 p.
13. Macdonald M. The Philosopher's Use of Analogy // Logic and Language. A Collection of Philosophical Articles. Oxford: Basil Blackwell, 1951. P. 80-100.
14. Stern J. Metaphor in Context. Cambridge, Massachusetts: A Bradford Book, 2000. 386 p.

COMPARATIVE ANALYSIS OF PHILOSOPHICAL AND SCIENTIFIC LITERATURE STYLES

Khlebnikova Ol'ga Vladimirovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Omsk State Transport University
hlebnikova_ov@mail.ru

The article is devoted to the comparative analysis of the stylistic characteristics of philosophical and scientific literature. The author identifies both the features of writing, which draw these traditions of knowledge closer, and the peculiarities of appropriate discursive practices that differentiate them. The problem statement is connected with the understanding of the gradual transformation within the framework of modern culture of all the forms of intellectualism into systemic activity aimed at the actualization of a certain type of pencraft.

Key words and phrases: literature; philosophy; science; style; discourse; writing.

УДК 130.2; 141.32

Философские науки

В статье фокус научного интереса сосредоточен на выявлении диалектической взаимосвязи между процессами «приватизации» социальной реальности как усилением значимости сферы частных ценностей и частного существования и актуализацией эмоциональных концептов, в том числе юмористического кода как обобщенного отражения действительности. В данном случае интерес вызывает не столько сама природа смеха, сколько общая направленность современной репрезентативной культуры на впечатления, развлечения, «спектализацию» как абстрактную репрезентацию социальных явлений, событий, людей.

Ключевые слова и фразы: эмоциональное «Я»; юмор; «банализация зла»; приватность; «общество впечатлений»; спектализация.

Ходус Елена Владимировна, к. соц. н., доцент
Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, Украина
hodus2@ukr.net

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ КОД КАК ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ПЕРВЕРСИЯ В СИТУАЦИИ «БАНАЛИЗАЦИИ ЗЛА»©

Субъективное осмысление действительности всегда является контекстуально обусловленным и эмоционально переживаемым. В этом смысле метафоры «общество впечатлений», «общество спектакля», «общество

риска», «психологизация повседневности», «индивидуализированное общество» довольно рельефно репрезентируют и актуальные социокультурные реалии, и соответствующий им социальный типаж – личность с ярко выраженным «эмоциональным Я». Как замечает Дж. Барбалет модель рационального актора представляется теперь «эмпирически ущербной» и «эвристически дезориентирующей» [2, с. 8]. Схожими наблюдениями делится и Ж. Липовецки, утверждая, что место *homo politicus* занял *homo psychologicus*, «погруженный в работу по освобождению и объяснению своей личности, заботящийся о себе самом и о собственном благополучии» [11, с. 81].

По сути, речь идет не только о трансформации типа отношений индивида к обществу, выстраивающихся сегодня все больше в модусе личных предпочтений, когда каждый действительно живет, повинаясь нормативному режиму своего заинтересованного «я». Речь идет о фундаментальных изменениях современного типа субъектности, важной частью которой признается, в том числе и эмоционально-чувственный опыт.

Следует заметить, что эмоциональные дефиниции и концепты относительно недавно стали самоочевидной частью актуального словаря социальной теории. Аналитический фокус, предполагающий рассмотрение социальной реальности через специфическую призму эмоций, сам по себе не нов, однако, долгое время оставался маргинальным. Действительно, самые разные аспекты феноменологии эмоций и эмоциональных состояний прослеживаются во всей традиции социального теоретизирования, начиная с отчуждения у К. Маркса и аномии Э. Дюркгейма и заканчивая научными разработками социальных конструктивистов. Однако для большинства классических социальных теоретиков эмоциональные категории интерпретации оставались эпифеноменальными, и их анализ не являлся необходимым при объяснении оснований социального универсума. Причины «социального» искались на уровне самого социального.

Другое дело, что в условиях современного социума – «радикализованного модерна» (как его определяет Э. Гидденс [18]) – статус внутреннего мира индивида, как мира независимого и подчиняющегося собственным правилам, безусловно, вырос. Очевидно, что рефлексивность и индивидуализация, как черты современности, вырабатывают и требуют многоплановой социальной компетенции индивида, расширяют пространство его социальной активности и, как следствие, усиливают авторизацию его личного жизненного опыта. Потому обращение современной социальной теории к тематике эмоций в частности и «психе» в целом не столь удивительно. Фокусом анализа становится «обладающее сознанием эмоционально-выразительное тело, представляющее собой экзистенциальный базис культуры и Я» [13, с. 74].

Соответственно *цель* настоящей статьи состоит в попытке выявления диалектической взаимосвязи между процессами «приватизации» социальной реальности, как усилении значимости сферы частных ценностей и частного существования, и актуализацией эмоциональных концептов, в том числе юмористического кода, как обобщенного отражения действительности. В данном случае интерес вызывает не столько сама природа смеха, сколько общая направленность современной репрезентативной культуры (и украинское общество здесь не исключение) на впечатления, развлечения, «спектализацию» как абстрактные репрезентации социальных явлений событий, людей. Проблемная ситуация в том и заключается, что акцентуация на юмористической составляющей современного опыта субъектности есть своего рода эффект такого явления как «банализация зла». Очевидно, что «банализация зла» есть отражение общей эмоционально-нравственной атмосферы, отличающей бытийствование индивида, в том числе и в украинском социуме. И в этом смысле смех и юмор выступают как органически защитная характеристика человеческой психики, их функция в преодолении неопределенности будущего. Как замечает Ж. Липовецки «юмор в публикациях или в моде не приводит к жертвам, никого не вышучивает, не критикует, а лишь создает атмосферу эйфории. Юмор толпы более не основывается на скрытом чувстве озлобленности или недоброжелательности: вовсе не маскируя пессимизм и то, что он является —вежливостью отчаяния», современный юмор стремится изобразить мир светлым, <...> юмор становится кокетливым и прикольным» [11, с. 205-206].

Таким образом, предложенный исследовательский фокус позволяет перенести осмысление феномена эмоций в плоскость жизненного мира телесных субъектов – носителей субъективного опыта, обладающих чувствами, желаниями, воображением, ощущениями. В этом случае эмоции одновременно принадлежат структурированным социальным обстоятельствам бытия и индивидуально-личностному опыту переживания этих обстоятельств. Иными словами, внешние условия жизнедеятельности индивида (их характер, сила воздействия) зависят от того, какое значение он им придает. То есть для индивида общество существует как реальность, данная в ощущениях. С этой точки зрения социальные трансформации последних десятилетий в Украине и сопутствующие им эмоциональные реакции представляют собой неотъемлемую часть диалектического взаимодействия личностных проблем и структурированных обществом публичных вопросов.

В этой связи интересным представляется вопрос, почему в современной культуре эпифеноменальной становится именно внешняя реальность, с чем связана такая концентрация индивида на внутреннем мире. Как замечет Р. Сеннет, исчезла вера в реальность, которая окружает «психе». На основе наблюдаемых ощущений, а не событий индивид делает вывод о том, «что же случилось на самом деле». Собственно в этих условиях психе получает статус последней инстанции [12]. Именно субъективное восприятие человеком собственной жизни (ее оценки, способы описания, интерпретации, эмоциональные определения) или индивидуальная инфраструктура (в терминологии Ж. Делеза и Ф. Гваттари) становится устойчивой структурой, способной к самоопределению, независимо от внешних условий [9, с. 208]. Следуя логике Ж. Делеза и Ф. Гваттари, выходит, что, доверившись собственному желанию, то есть психическому и телесному продуцированию того, что действительно хочется, человек научается жить в согласии / разногласии с самим собой, обществом.

Представляется, что глубинным основанием такой переориентации стал процесс индивидуализации как доминирующей тенденции, отличающей жизнестворчество индивида. Тенденция индивидуализации и как социального процесса, и как личностной мотивации предполагает идею о том, что современные формы социальности предназначены скорее для поисков и реализации сугубо личностных интенций. Подобной точки зрения при анализе изменений в характере морали современного общества придерживаются многие социальные теоретики, например такие как Э. Гидденс, З. Бауман, У. Бек, Р. Сеннет. Действительно, в настоящее время в мире распространенной практикой становится поиск независимого стиля жизни, восприятия и понимания существования. Этот поиск связан с той формой жизни, которую можно назвать «малая жизнь» и которая подразумевает межличностное общение, маленькие повседневные радости, в отличие от «большой жизни», включающей общественные обязательства, членство в «больших социальностях». Речь идет об ощущении своего особого жизненного устройства, которое индивид извлекает из повседневного опыта. Это просматривается в формулируемом им жизненном кредо – воспринимать вещи такими, какими как они есть, жить настоящим моментом, не портя себе нервы («не парься!») – довольно распространенное вербальный прием, выражающий отношение буквально ко всему). Как следствие, на месте общества складывается приватизированный мир человеческой жизни с разрывом групповых связей и появлением самостоятельных индивидов, не имеющих тесных и продолжительных связей с другими. Такое освобождение субъектности от власти структуры приводит к отказу от традиционных правил, норм, ожиданий и форм авторитета. Образ жизни и внешние формы авторитета, связанные с публичной сферой, все больше заменяются индивидуальным авторитетом. Комментируя эту тенденцию, У. Бек называет индивида единицей воспроизведения социального в жизненном мире [3, с. 188]. Особенность современной ситуации состоит в том, что именно формальные институты и гражданские ассоциации, основанные на абстрактном доверии, перестают быть ценностным центром, напротив, консолидирующими становятся ценности, относящиеся к конкретным человеческим ситуациям и личной ответственности за себя, своих близких. Природа протестных движений последних месяцев в Украине как нельзя наглядно иллюстрирует данный тезис: вне зависимости от поддержки / не поддержки украинского Евромайдана и событий с ним связанных, украинцы оказались перед выбором своей позиции по отношению к личным правам и свободам, которые перестали восприниматься ими как абстракция, правам и свободам других людей.

Важно отметить, что у этого нового индивидуализма (который уже не столько идеология концентрации на своих собственных, личных интересах, сколько комплекс идей, обосновывающих существование и развитие человека вне социальных / коллективных связей) есть и обратная сторона. На самом деле такой автономный индивид, спасающийся «бегством» от «большого мира» труда, общественной жизни, политики в узком приватизированном мире интимных эмоциональных переживаний – своеобразной «асоциальной социальности» – испытывает острый дефицит традиционных социальных связей. В контексте обозначенных тенденций Евромайдан выглядит для части украинского социума как шанс восстановления утраченного чувства общности, демонстрирующий добровольное желание выйти за горизонты приватного мира. По мнению исследователей «сейчас часть поколения использует свой шанс интегрироваться обратно в общество через Евромайдан. Маски недоверия к любому конформизму, активизму, нарочитое противопоставление себя системе, самоизоляция – все это теперь отброшено. Эти люди опять действуют» [6, с. 5]. Однако действуют все же в ситуации «общества без государства» – именно так выразил формулу либеральной композиции общества А. Турен [15, с. 140].

В целом современный индивидуализм, даже если и демонстрирует ситуативные примеры различных форм коллективных действий и конвенций, тем не менее, деформирует общий механизм сопряжения общественных интересов разного уровня. Общество все больше воспринимается людьми как поле конкурентной борьбы за сугубо личные интересы. «Повсюду налицо утрата интереса к жизни, людям стали чужды душевные порывы; повсюду, то же притупление чувств, тот же уход в себя» – констатирует Ж. Липовецкий [11, с. 214].

Помимо прочих факторов актуализация значимости «биографической модели» (так назвал усиленную индивидуализацию У. Бек [3] – прим. автора – Е. Х.) связана с повышением уровня «экзистенциальной тревоги», характерной для большинства ныне живущих. Если следовать логике Э. Гидденса, предполагающей, что повседневная жизнь человека не возможна без веры в ее стабильность, называемую им «психологическая безопасность» [17], то современный индивид как раз это чувство утрачивает. Повышенное чувство тревожности опосредованно эксплицирует современная медийная культура. Благодаря массмедиа «зло, насилие, становятся банальной повседневностью в современном обществе» [1, с. 16].

При этом СМИ превращают насилие в шоу, рассчитанное на глобальную аудиторию. «Банализация зла» является в этом плане своеобразным эффектом такого явления как «перепроизводство зла»: в «телевизоре» каждую минуту кого-нибудь убивают (в кино, в сериалах), и все с интересом смотрят. Особенностью современного насилия является его наглядность и публичность. Даже юмор не допускает «никаких полутонов, он работает «живьем», крупными планами, с использованием спецэффектов; зловещее тонет в апофеозе голливудского театра ужасов» [11, с. 209]. Как замечает С. Жижек «существует (метафорически и буквально) экран, через который мы ощущаем большие проявления страданий, ежедневно засыпаемые телерепортажами об этнических чистках, изнасилованиях, пытках, природных катастрофах, которым мы глубоко сочувствуем <...> на расстоянии» [10, с. 83]. На самом деле такое «квазиперсонифицированное» соучастие не что иное как стремление удерживать страдания других на соответствующей дистанции, не ставя при этом под угрозу зону личного комфорта.

Вместе с тем, обилие насилия заставляет индивидов «приватизировать» социальные риски, то есть оценивать социальные риски в масштабах всего общества в категориях индивидуальной опасности. В такой ситуации «банализация зла» становится индивидуальной стратегией оправдания, своеобразной попыткой объяснить /

оправдать / извинить свои действия или бездействие. Природу «банализации зла» определил Кр. Дежур, понимающий под этим явлением «не только снижение в обществе чувства возмущения, как реакции на несправедливость и зло, но, кроме того, процесс, в результате которого происходит потеря злом своей драматической сущности, а также постепенное приобщение все большего числа людей к делу совершения зла и превращение их в «жоллаборационистов»» [8, с. 80]. Очевидно, что «банализация зла» как форма «воплощенного» эмоционального опыта в таком контексте – это попытка нивелировать причину негативных социальных явлений и событий таким образом, чтобы чувству личного «Я» был нанесен наименьший ущерб.

Процесс «банализации зла» разворачивается одновременно с тематизацией юмористического отношения к реальности. Юмористический код становится своеобразной формой психотерапии, задавая при этом особую культуру чувствования, направленную на «приручение несчастий» (раз уж от них нельзя избавиться совсем). «Нужно, – пишет Ж. Липовецки, – чтобы всё, оказывающее шокирующее, ослепляющее, утяжеляющее жизнь воздействие, было устранено» [11, с. 228]. В этой связи, рассуждая о современных метаморфозах политической клоунады, герой романа М. Улэльбека «Возможность острова», приходит в итоге к выводу, что юморист, хотя и похож на мятужника, для власти совершенно не опасен и даже выгоден. Ведь «в результате его действий мир не изменяется, а становится чуть более приемлемым, ибо насилие, необходимое для всякого революционного действия, трансформируется в смех; заодно это приносит еще и немалые бабки» [16, с. 322]. В этой связи вполне симптоматично выглядят данные социологического исследования, проведенного Институтом Горшенина в 2012, фиксирующие устойчивую востребованность у украинцев разнообразного юмористического продукта: театрального, кинематографического, концертного. Так более 80% молодежи, одной из самых активных категорий кинозрителей в Украине, на первое место в списке своих предпочтений поставили именно комедии [14]. В первой двадцатке самых кассовых релизов 2013 года 13 картин можно смело отнести к сугубо комедийному жанру. Не отстают по популярности у публики и разнообразные юмористические концертные шоу [7].

Очевидно, что в ситуации «общества впечатлений» юмор – это то, что должно обольщать и развлекать, он становится похожим на мыльные пузыри и ценится за незамысловатость и недолговечность. Самый знаменитый одесско-советский сатирик М. Жванецкий, рассуждая о кризисе своей профессии, как-то скорбно и скучно констатирует, что, дескать, современный юмор похоронил разум [5]. Действительно «общество впечатлений» стимулирует не столько «рацио» (нынешнему юмору не нужна утонченность, глубина и интеллигентность), сколько «эмоцио», причем, эти эмоции обладают реальностью непосредственного переживания, они связаны с семьей, человеческими отношениями, сексом, жизненным опытом. Вполне симптоматично, что именно такие темы становятся предметом шуток в бесконечных ситкоммах и юмористических программах. При этом современный юмор хочет быть естественным и тонизирующим. Характеризуя природу современного юмора Ж. Липовецки указывает, что «юмор ни в коем случае не должен казаться вымученным или через чур мудреным... юмористический настрой больше не ассоциируется с тактом. Он использует язык улицы, допускает фамильярность и непринужденный тон» [11, с. 229]. Заметим, что такой поп-юмор, стремящийся к выразительности, сердечности, в большей степени отвечает современному опыту субъектности. Автономный индивид, предоставленный самому себе, живущий в режиме «кухона в приватность», критически дистанцирующийся от общества, как зоны рискогенности, делает ставку на культивирование «счастливой самости» в разных ее моделях и формах. Так, к примеру, современное украинское телевидение делится разнообразными рецептами счастья, репрезентированными в соответствующих телевизионных проектах и шоу: если счастье – это выйти замуж за принца, то участвуй в шоу «Холостяк – 4»; если счастье в том, чтобы стать звездой эстрады – к нашим услугам широчайший спектр талант-шоу как то «Голоса країни – 3», бесконечное «Караоке на майдані», «Х-Фактор – 3», «Україна має таланти – 4»; если счастье в телесной привлекательности – шоу «Зважені та щасливі – 3» поделится рецептом. Если этого недостаточно можно развлечься за просмотром многочисленных комедийных шоу – «Сделай мне смешно», «Парк юмора», «95 квартал». И вообще «Все буде добре» – смотри шоу каждый день и делай выводы. Таким образом, зрителям регулярно и притом разными телеканалами, предъявляются одни и те же социальные типажи, ценностные доминанты, моральные императивы, выстраивающиеся вокруг принципа материального благополучия, чувства удовольствия и псевдооптимизма. Как замечает П. Брюкнер транслируемое масс-медиа «нескончаемое счастье настолько исключает всякое страдание, что делает человека безоружным перед ним, если оно все же возникает» [4, с. 12]. Соответственно функция развлекательно-юмористического сегмента современного телепространства, в отличие от серьезности информационно-аналитических программ, состоит не столько в дистанцировании от актуальной действительности, сколько в анестезии остроты нынешних дней, пускай в форме юмористического примитивизма, китча, гламура.

В заключение заметим, что украинский социум в настоящем своем качестве атомизирован, криминально насыщен, политически и экономически не стабилен, «культурно травмирован» вследствие радикальной ценностной реконфигурации, что, в свою очередь, требует от индивида новых компетенций, образцов поведения, навыков, установок (к примеру, на циничный прагматизм, утилитаризм), «правил чувствования», необходимых для эффективного участия в социальной жизни. В такой ситуации акцент на юмористической интерпретации актуальной реальности (заметим, совсем не веселой реальности) позволяет снять драматичность субъективного ее переживания в режиме «банализации зла» и манифестации «счастливой самости». Юмористический код призван «вбросить» в общество, погруженное в выживательную суету, оптимистическую солидарность, он решает глобальную задачу, помогая обрести всем, кто восприимчив к такому юмору гармонию с самим собой и окружающей действительностью.

Список литературы

1. **Балибар Э.** наброски к топографии жестокости: гражданство и цивилизованность в эру глобального насилия // Соц. и гуманитар. науки. Отеч. и зарубеж. лит. Сер. 11: Социология: РЖ. М., 2002. № 2. С. 16-20.
2. **Барбалет Дж.** Эмоция, социальная теория и социальная структура: макросоциологический подход // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 2. С. 3-9.
3. **Бек У.** Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
4. **Брюкнер П.** Вечная эйфория: Эссе о принудительном счастье / пер. с франц. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. 240 с.
5. **Васильев С.** Проданный смех [Электронный ресурс] // Журнал «Шо»: смотреть, слушать, читать. Киев, 2011. № 11-12. URL: <http://sho.kiev.ua/article/1099> (дата обращения: 28.07.2014).
6. **Давыденко Н.** О борьбе ролей // Комментарии. 2014. 31 января. № 3.
7. **Давыденко Н.** Юмор превращается в скоропортящийся товар [Электронный ресурс] // Комментарии. 2013. 01 апреля. URL: <http://comments.ua/life/395617-yumor-prevratilysya-skoroportyashchiysya-tovar.html> (дата обращения: 21.06.2014).
8. **Дежур Кр.** Утрата чувства сострадания во Франции: банализация социальной несправедливости // Соц. и гуманитар. науки. Отеч. и зарубеж. лит. Сер. 11: Социология: РЖ. М., 2000. № 2. С. 80-86.
9. **Делез Ж., Гваттари Ф.** Капитализм и шизофрения. Анти-эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
10. **Жижек С.** 13 опытов о Ленине. М.: Ад Маргинем, 2003. 253 с.
11. **Липовецки Ж.** Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / пер. с франц. В. В. Кузнецова. СПб.: Владимир Даль, 2001. 317 с.
12. **Сеннет Р.** Падение публичного человека. М.: Логос, 2002. 424 с.
13. **Социология душевного здоровья: проблемы и тенденции развития** (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. М., 2002. № 1. С. 73-77.
14. **Студенты. Образ будущего** [Электронный ресурс]. URL: http://institute.gorshenin.ua/annuals/5_studenti_obraz_budushchego.html (дата обращения: 21.06.2014).
15. **Турен А.** Возвращение человека действующего: очерк социологии / пер. с франц. М.: Научный мир, 1998. 204 с.
16. **Уэльбек М.** Возможность острова: роман / пер. с франц. М.: Иностранка, 2006. 475 с.
17. **Giddens A.** Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991. 210 p.
18. **Giddens A.** The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1991. 200 p.

HUMOROUS CODE AS EMOTIONAL PERVERSION IN "BANALISATION OF EVIL" SITUATION

Khodus Elena Vladimirovna, Ph. D. in Sociology, Associate Professor
Oles Honchar Dnipropetrovsk National University, Ukraine
 hodus2@ukr.net

In the article the author focuses on the revelation of dialectical interconnection between the processes of the «privatization» of social reality as strengthening the significance of the sphere of confidential values and private existence and the actualization of emotional concepts including humorous code as a generalized reflection of reality. In this case not so much the nature of laugh itself as the general orientation of modern representative culture on impressions, entertainment, «performance» as the abstract representation of social phenomena, events, people arouses interest.

Key words and phrases: emotional self; humour; «banalisation of evil»; privacy; «experience society»; performance.

УДК 94:3-058.232(470.324)"1861/1905"

Исторические науки и археология

Статья посвящена анализу участия представителей воронежского дворянства в созданных реформой 1864 года органах местного самоуправления – губернских и уездных земских собраниях и управах; целью работы является исследование баллотировочной активности и наиболее значимых проектов дворянских гласных, оценка результатов их деятельности, что является первым рассмотрением функционирования отдельного сословия в рамках земских учреждений Воронежской губернии.

Ключевые слова и фразы: дворянство; Воронежская губерния; земская реформа; губернское земское собрание; уездное земское собрание; земская управа; гласные; народное образование; народная медицина.

Чигирева Елена Михайловна

Воронежский государственный университет
 Tchigireva89@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДВОРЯНСКОГО СОСЛОВИЯ
 В ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ©

Отмена крепостного права повлекла собой череду других преобразований, важнейшим из которых стала реформа местного самоуправления. С введением в жизнь положений Манифеста 19 февраля 1861 года